

ТЕАТР

Умнеть надо незаметно

Сегодня Большой театр России открывает 226-й сезон с новым художественным руководителем и с новыми ценами на билеты

К БОЛЬШОМУ театру России (или проще — БТР) наблюдатели в последнее время все чаще применяют знаменитый афоризм Козьмы Прутков о том, что аристократ подобен картофелю: лучшая часть его находится в земле.

В этой горькой шутке есть действительно лишь доля шутки. Первый театр страны вполне может гордиться своей аристократической родословной. Но когда речь заходит о реальной конкуренции, которую нужно сегодня выдерживать, чтобы остаться на плаву, то тут основным козырем остается — увы! — золото убранства зала, имперский шик времен Николая Первого, куда чаще водят иностранных туристов смотреть, чем слушать русскую классическую оперу.

И даже тот факт, что стены, механизмы сцены, репетиционные помещения и вся «начинка» исторического здания приходят постепенно в полную негодность, не меняет репутации театра как столкновенно-допотопичности.

(Окончание на 8-й стр.)

"Иван Сусанин" по традиции открывает сезон в Большом.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

При этом можно не беспокоиться об аншлагах: при любой цене на билет — хотя она стала с нового сезона в двадцать раз выше, чем официальная цифра минимальной российской зарплаты.

Через год здание встанет на капитальный ремонт, начальство уже объявило, что оно рассчитывает занять труппу на это время в длительных зарубежных гастролях. А пока: предстоит полноценный творческий сезон.

После того как неожиданно для всех ушел прежний шеф Театральной Рождественской, сославшись на обстановку саботажа в коллективе и вокруг него, после того как из репертуара исчезли все спектакли, поставленные при участии его предшественника Владимира Васильева (и никто не знает, чем маэстро трепать занят), — новый главный дирижер 38-летний Александр Ведерников был представлен труппе как лидер по крайней мере на ближайший 10 лет, а может быть — и не на одно десятилетие: именно так выразился министр культуры Михаил Швыдкой. Сбор труппы в первом придворном театре страны уже давно превратился из чисто служебного, планового мероприятия в горячий информационный повод.

Успокоительные речи о великих традициях все привычно проглатывают мимо ушей в отличие от предметного разговора о перспективах и видах на будущее. И пока из тронной речи маэстро Ведерникова не стало ясно, как он собирается решать, например, знаменитый

уже вопрос о том, из чего будет состоять текущая афиша. То есть — быть ли Большому театру:

— «музеем русской оперы» в смысле собрания только отборнейших ее сочинений,

— «концертмейстер», или собранием редкости, но не обладающим правом на эксперимент и новизну, — вроде той новизны, за которую (по его словам) «затравили» Геннадия Рождественского с его постановкой оперы Прокофьева «Игрок» консерваторы и ретрограды.

Ясно, что придется выбрать что-то одно. Наблюдатели очень сильно расходятся в прогнозах относительно того, как будет решать эту проблему Ведерников, имеющий большой и удачный опыт работы в престижных европейских театрах уровня миланского «Ла Скала», где места в афише почему-то хватает и редкостям, и шляграм, и экспериментам. Они же высказывают опасения, что, поскольку маэстро не заявлял о намерении отказаться от собственной дирижерской карьеры и ангажементов, может повториться ситуация, которая, например, стала регулярной и рутинной в большинстве столичных оркестров. Практически везде, кроме оркестров Владимира Федосеева и Владимира Спивакова, главный дирижер с мировым именем выступает в роли «приходящего барина», который периодически наведывается, ставит один спектакль, но не вмешивается в проточную работу театральной машины, видит если не загнанных конюшину, то обычный беспорядок,

но не имеет сил и времени его исправлять.

В этом смысле Большой театр довольно точно сравнивают с тяжелым танком, который долго стоял без движения, изрядно прогорев, у него не крутятся колеса, заедает гусеницы, но он был сделан на совесть — и под слоем ржавчины очень качественное железо, так что если смазать, завести и дальше честно следить за техническим обслуживанием, машина еще хоть куда... Только вот запустить ее никому: великие принципиально не занимаются грязной работой, а обычные работники без руководства выдающихся деятелей искусства сами ни в чем не уверены.

Пример противоположного рода дает Марининский театр в Петербурге, где 13 лет назад новый назначен по имени Валерий Гергиев (будущий и в возрасте, и в «чинах» почти равен Ведерникову сегодня) взялся с удивительной энергией и результативностью как раз за то, чтобы превратить текущий беспорядок в исправно работающую фабрику премьер. Результат известен: мировая слава, взлет карьеры и репутации Маринина не заставили себя долго ждать. А Большой театр теперь лишь с завистью смотрит из Москвы, как в Питере виртуозно решаются задачи, которые никому в столице не по зубам.

Марининскому театру и его лидеру было легче выбирать из ржавчины и застарелой провинциальности только в одном отношении: столица вовремя переехала с берегов Невы в Москву и Марининской опере, а равно и балету, не нужно было во что бы то ни стало

символизировать державу, они могли чуть свободнее менять правила игры и модернизировать свой театральный механизм.

В Москве все иначе, но значит ли это, что задача не имеет решения?

Маэстро Александр Ведерников имеет свое мнение о том спектакле, которым он — теперь уже по обязанности главного дирижера — открывает вечером 1 сентября очередной сезон и который является одной из неизбывных традиций Большого. Любопытно, что это было сказано еще тогда, когда Ведерникова даже не мог предполагать след нынешнего назначения: тем ценнее его мысли.

— Я не думаю, что «Иван Сусанин», идущий в своем нынешнем виде на сцене Большого театра, плохой спектакль. Скорее он даже хороший. Но дело-то в другом! Есть произведения, которые — если судить по большому счету, по «гамбургскому» счету — вообще еще не были исполнены. Я имею в виду — не фактически, а эстетически... Конечно, и мой батюшка, наш родной артист СССР Александр Филиппович Ведерников долгие годы пел Сусанина и, смею думать, оставил весьма заметный след в истории этой роли. Хотя это вовсе не значит, что так будут петь Сусанина всегда. И вообще традиция, велика, сильна — но это обоюдоострая традиция: ведь еще оперная музыка в России до самого недавнего времени находилась почти под гипнозом — так сильно было влияние Большого театра, это считалось эталоном и неизбывным стереотипом, уже не говоря о том,

что это придворный театр и его стиль одобряли выше. Но на практике все это гримасная попытка приводила слопш и рядом к тому, что зритель, слушатель, просто человек, пришедший на спектакль, — как приходил в зал, так из него и уходил, при этом ничто не шевелилось у него в душе, не переворачивалось... Это была обреченная экскурсия, а на поход в другой мир, в мир искусства.

Так вот что я имею в виду, когда говорю, что многие сочинения не были исполнены эстетически, хотя фактически они не сходили с афиш. Всякий раз в исполнении превращались или государственно-представления о том, что красиво, величественно и здорово, или рутинная, текущая вал оперных спектаклей: настоящему прочтению, прочтению, за которое не было бы стыдно перед автором, всегда мешало или отсутствие соответствующих певцов, или времени, или денег — а музыка ведь ждет своего настоящего исполнения! Она терпеливо ждет — у нее в запасе вечность, как говорится...

Глинка не хотел делать из оперы пропаганду государственных идей, его интересовали люди, их чувства — в том числе, конечно, и монархические. «Мужик любит царя, на смерть за него пойдет», это правда. Но Сусанин живой человек, что всегда старались подчеркнуть лучшие исполнители его роли — да и всех ролей в первой русской опере! Она явно нуждается в чем-то таком, что знаменитые музыканты-аутентичники Европы (арде Николауса Арнонкура или Кристофера Хогвуда) сделали за

последние 50 лет с Моцартом и Бетховеном: чем Глинка-то хуже? В общем, примером той работы, которую я вижу для себя как идеал, может служить легендарный худрук оркестра Ленинградского филармонического Евгений Александрович Мравинский. «Каждый раз сажаешь с нуля», — говорил он... У него время было, сейчас времени не так много, но стараться-то надо!...

На момент начала первого для Александра Ведерникова сезона во главе Большого театра это едва ли не исчерпывающий ответ на все вопросы, которые касаются того, что будет, а чего не будет во вверенном ему учреждении. Пессимистический прогноз прост и краток: ничего не изменится. Значит — вся ржавчина будет на месте.

Оптимистический прогноз можно строить на наблюдениях за работой дирижера Ведерникова с другими коллективами и в других сценах. Не будет афиша, не будет мгновенных изменений, но стоит ждать и резкий улучшений на каждой следующей премьере. Никаких гигантских скачков: постепенный, плавный, но необратимый рост куда важнее, ценнее и интереснее. Именно он дает не банк сорвать, а добиться долгосрочного результата в игре, пении, балете, симфонии, театральной режиссуре, а равно и во всех других цехах театра, от которого так давно ждут, что все-таки роскошь зала станет приятным приложением к роскошному спектаклю, а не наоборот. Ведь как давно и не нами сказано: умнеть надо незаметно.

Артём ВАРТАФТИК.